

Святая равноапостольная княгиня Ольга

Святая равноапостольная Ольга была супругой великого князя Киевского Игоря. Борьба христианства с язычеством при Игоре и Ольге, княживших после Олега († 912), вступает в новый период. Церковь Христова в последние годы княжения Игоря († 945) становится значительной духовной и государственной силой в Русском государстве. Об этом свидетельствует сохранившийся текст договора Игоря с греками 944 года, который включен летописцем в “Повесть временных лет”, в статью, описывающую

события 6453 (945) года.

Мирный договор с Константинополем должен был утверждаться обеими религиозными общинами Киева: “Русь крещеная”, то есть христиане, приводились к присяге в соборном храме святого пророка Божия Илии; “Русь некрещеная”, язычники, клялись на оружии в святилище Перуна Громовержца. Тот факт, что христиане поставлены в документе на первом месте, говорит о их преимущественном духовном значении в жизни Киевской Руси.

Очевидно, в момент, когда договор 944 года составлялся в Царьграде, у власти в Киеве стояли люди, сочувствовавшие христианству, признававшие историческую необходимость приобщения Руси к животворной христианской культуре. К этому направлению принадлежал, возможно, и сам князь Игорь, официальное положение которого не позволяло ему лично перейти в новую веру, не решив вопроса о Крещении всей страны и установлении в ней православной церковной иерархии. Поэтому договор был составлен в осторожных выражениях, которые не помешали бы князю утвердить его и в форме языческой клятвы, и в форме присяги христианской.

Но пока византийские послы прибыли в Киев, обстановка на Днепре существенно изменилась. Четко определилась языческая оппозиция, во главе которой стояли варяжские воеводы Свенельд

и его сын Мстислав (Мстиша), которым Игорь дал в держание Древлянскую землю.

Сильно было в Киеве и влияние хазарских иудеев, которым не могла прийти по нраву мысль о торжестве Православия в Русской земле.

Не сумев преодолеть косности обычая, Игорь остался язычником и скрепил договор по языческому образцу – клятвой на мечях. Он отверг благодать Крещения и был наказан за неверие. Год спустя, в 945 году, восставшие язычники убили его в Древлянской земле, разорвав между двух деревьев. Но дни язычества и основанного на нем жизненного уклада славянских племен были уже сочтены. Бремя государственного служения возложила на себя, при трехлетнем сыне Святославе, вдова Игоря – великая княгиня Киевская Ольга.

Имя будущей просветительницы Русского края и родину ее “Повесть временных лет” впервые называет в статье о женитьбе Игоря: “и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу”. Принадлежала она, уточняет Иоакимовская летопись, к роду князей Изборских, одной из забытых древнерусских княжеских династий, которых было на Руси в X-XI вв. не меньше двадцати, но которые все были вытеснены со временем Рюриковичами или слились с ними посредством браков. Некоторые из них были местного, славянского происхождения, другие – пришлые, варяжские. Известно, что скандинавские конунги, приглашенные на княжение в русские города, неизменно принимали русский язык, часто – русские имена и быстро становились настоящими русскими как по образу жизни, так и по мировоззрению и даже по физическому облику.

Так и супругу Игоря звали варяжским именем Хельга, в русском “окающем” произношении – Ольга, Вольга. Женское имя Ольга соответствует мужскому Олег (Хельги), что значит “святой”. Хотя языческое понимание святости совершенно отлично от христианского, но и оно предполагает в человеке особый духовный настрой, целомудрие и трезвение, ум и прозорливость. Раскрывая духовное значение имени, народ Олега назвал Вещим, Ольгу – Мудрой.

Позднейшие предания называли ее родовым именем село Выбуты, в нескольких километрах от Пскова вверх по реке Великой. Еще недавно показывали на реке Ольгин мост – у древней переправы, где Ольга встретилась с Игорем. Псковская топонимика сохранила немало названий, связанных с памятью великой псковитянки:

деревни Ольженец и Ольгино Поле, Ольгины Ворота – один из рукавов реки Великой, Ольгина Гора и Ольгин Крест – близ Псковского озера, Ольгин Камень – у села Выбуты.

Начало самостоятельного правления княгини Ольги связано в летописях с рассказом о грозном возмездии древлянам, убийцам Игоря. Клявшиеся на мечах и веровавшие “только в свой меч”, язычники обречены были Божиим судом от меча и погибнуть (Мф. 26, 52). Поклонявшиеся, среди прочих обожествленных стихий, огню – нашли свое отмщение в огне. Исполнительницей огненной кары Господь избрал Ольгу.

Борьба за единство Руси, за подчинение Киевскому центру раздираемых взаимной враждой племен и княжеств прокладывала путь к окончательной победе христианства в Русской земле. За Ольгой, еще язычницей, стояла Киевская христианская Церковь и ее Небесный покровитель святой пророк Божий Илия, пламенной верой и молитвой сводивший огонь с неба, и победа ее над древлянами, несмотря на суровость победительницы, была победой христианских, созидательных сил в Русском государстве над силами языческими, темными и разрушительными.

Ольга Богомудрая вошла в историю как великая созидательница государственной жизни и культуры Киевской Руси. Летописи полны свидетельств о ее неустанных “хождениях” по Русской земле с целью благоустройства и упорядочения гражданского и хозяйственного быта подданных. Добившись внутреннего укрепления власти Киевского великого князя, ослабив влияние мешавших собиранию Руси мелких местных князей, Ольга централизовала все государственное управление с помощью системы “погостов”. В 946 году с сыном и дружиной прошла она по Древлянской земле, “устанавливая дани и оброки”, отмечая села, становища и места охот, подлежащие включению в киевские великокняжеские владения. На другой год ходила в Новгород, устраивая погосты по рекам Мсте и Луге, всюду оставляя зримые следы своей деятельности. “Ловища ее (места охоты) были по всей земле, установленные знаки, места ее и погосты, – писал летописец, – и сани ее стоят в Пскове до сего дня, есть указанные ею места для ловли птиц по Днепру и по Десне; и село ее Ольжичи существует и поныне”.

Устроенные Ольгой погосты, являясь финансово-административными и судебными центрами, представляли прочную опору великокняжеской власти на местах.

Будучи прежде всего, по самому смыслу слова, центрами торговли

и обмена (“гость” – купец), собирая и организуя вокруг себя население (вместо прежнего “полюдья” сбор дани и налогов осуществлялся теперь равномерно и упорядоченно по погостам), Ольгины погосты стали важнейшей ячейкой этнического и культурного объединения русского народа.

Позже, когда Ольга стала христианкой, по погостам стали воздвигать первые храмы; со времени Крещения Руси при святом Владимире погост и храм (приход) стали неразрывными понятиями. (Лишь впоследствии от существовавших возле храмов кладбищ развилось словоупотребление “погост” в смысле “кладбище”.)

Много трудов приложила княгиня Ольга для усиления оборонной мощи страны. Города застраивались и укреплялись, Вышгороды (или Детинцы, Кромы) обрастали каменными и дубовыми стенами (забралами), ошетинивались валами, частоколами. Сама княгиня, зная, сколь враждебно относились многие к идее укрепления княжеской власти и объединения Руси, жила постоянно “на горе”, над Днепром, за надежными забралами киевского Вышгорода (Верхнего города), окруженная верной дружиной. Две трети собранной дани, по свидетельству летописи, она отдавала в распоряжение киевского веча, третья часть шла “к Ользе, на Вышгород” – на нужды ратного строения. Ко времени Ольги историки относят установление первых государственных границ России – на западе, с Польшей. Богатырские заставы на юге сторожили мирные нивы киевлян от народов Дикого Поля. Чужеземцы спешили в Гардарику (“страну городов”), как называли они Русь, с товарами и рукодельями. Шведы, датчане, немцы охотно вступали наемниками в русское войско. Ширятся зарубежные связи Киева. Это способствует развитию каменного строительства в городе, начало которому положила княгиня Ольга. Первые каменные здания Киева – городской дворец и загородный терем Ольги – лишь в нашем веке были разысканы археологами. (Дворец, точнее его фундамент и остатки стен были найдены и раскопаны в 1971-1972 гг.)

Но не только укрепление государственности и развитие хозяйственных форм народной жизни привлекало внимание мудрой княгини. Еще более насущным представлялось ей коренное преобразование религиозной жизни Руси, духовное преображение русского народа. Русь становилась великой державой. Лишь два европейских государства могли в те годы соперничать с нею в значении и мощи: на востоке Европы – древняя Византийская империя, на западе – королевство Саксов.

Опыт обеих империй, обязанных своим возвышением духу христианского учения, религиозным основам жизни, показывал ясно, что путь к будущему величию Руси лежит не только через военные, но прежде всего и преимущественно через духовные завоевания и достижения. Поручив Киев подростшему сыну Святославу, великая княгиня Ольга летом 954 года, взыскав благодати и истины, отправляется с большим флотом в Царьград. Это было мирное “хождение”, сочетавшее задачи религиозного паломничества и дипломатической миссии, но политические соображения требовали, чтобы оно стало одновременно проявлением военного могущества Руси на Черном море, напомнило гордым “ромеям” о победоносных походах Аскольда и Олега, прибывшего в 907 году свой щит “на вратах Цареграда”.

Результат был достигнут. Появление русского флота на Босфоре создавало необходимые предпосылки для развития дружеского русско-византийского диалога. В свою очередь, южная столица поразила суровую дочь Севера разнообразием красок, великолепием архитектуры, смешением языков и народов мира. Но особенное впечатление производило богатство христианских храмов и собранных в них святынь. Царьград, “царствующий град” греческой империи, еще при самом основании (точнее, возобновлении) в 330 году посвященный святым равноапостольным Константином Великим (память 21 мая) Пресвятой Богородице (это событие праздновалось в Греческой Церкви 11 мая и перешло оттуда в русские месяцесловы), стремился во всем быть достойным своей Небесной Покровительницы. Русская княгиня присутствовала за Богослужением в лучших храмах Константинополя – Святой Софии, Влахернской Богоматери и других.

Сердце мудрой Ольги открылось святому Православию, она принимает решение стать христианкой. Таинство Крещения совершил над нею Патриарх Константинопольский Феофилакт (933-956), а восприемником был сам император Константин Багрянородный (912-959). Ей было наречено в Крещении имя Елена в честь святой равноапостольной Елены (память 21 мая), матери святого Константина, обретшей Честное Древо Креста Господня. В назидательном слове, сказанном по совершении обряда, Патриарх сказал: “Благословенна ты в женах русских, ибо оставила тьму и возлюбила Свет. Благословят тебя русские люди во всех грядущих поколениях, от внуков и правнуков до отдаленнейших потомков твоих”. Он наставил ее в истинах веры, церковном уставе и

молитвенном правиле, изъяснил заповеди о посте, целомудрии и милостыне. “Она же, – говорит преподобный Нестор Летописец, – склонила голову и стояла, словно губа напаяемая, внимая учению, и, поклонившись Патриарху, промолвила: “Молитвами твоими, Владыко, да сохранена буду от сетей вражеских””.

Именно так, со слегка наклоненной головой, изображена святая Ольга на одной из фресок Киевского Софийского собора, а также на современной ей византийской миниатюре, в лицевой рукописи Хроники Иоанна Скилицы из Мадридской национальной библиотеки. Греческая надпись, сопровождающая миниатюру, называет Ольгу “архонтессою (то есть владычицей) Руссов”, “женою, Эльгою по имени, которая пришла к царю Константину и была крещена”. Княгиня изображена в особом головном уборе, “как новокрещеная христианка и почетная диаконисса Русской Церкви”. Рядом с ней в таком же уборе новокрещеной – Малуша († 1001), впоследствии мать святого равноапостольного Владимира (память 15 июля).

Такого ненавистника русских, каким был император Константин Багрянородный, непросто было заставить сделаться крестным отцом “архонтессы Руси”. В русской летописи сохранились рассказы о том, как решительно и на равных разговаривала Ольга с императором, удивляя греков духовной зрелостью и государственной мудростью, показывая, что русскому народу как раз под силу воспринять и умножить высшие свершения греческого религиозного гения, лучшие плоды византийской духовности и культуры. Так святой Ольге удалось мирным путем “взять Царьград”, чего до нее не смог сделать ни один полководец. По свидетельству летописи, сам император вынужден был признать, что “переключала” (перехитрила) его Ольга, а народная память, соединив предания о Вещем Олеге и Мудрой Ольге запечатлела эту духовную победу в былинном сказании “О взятии Царяграда княгиней Ольгой”.

Константин Багрянородный в своем сочинении “О церемониях византийского двора”, дошедшем до нас в единственном списке, оставил подробное описание церемоний, сопровождавших пребывание святой Ольги в Константинополе. Он описывает торжественный прием в знаменитой палате Магнавре, под пение бронзовых птиц и рычание медных львов, куда Ольга явилась с огромной свитой из 108 человек (не считая людей из дружины Святослава), и переговоры в более узком кругу в покоях императрицы, и парадный обед в зале Юстиниана, где, по стечению обстоятельств, промыслительно встретились за одним

столом четыре “государственных дамы”: бабушка и мать святого равноапостольного Владимира (святая Ольга и ее спутница Малуша) с бабушкой и матерью его будущей супруги Анны (императрица Елена и ее невестка Феофано). Пройдет немногим более полувека, и в Десятинном храме Святой Богородицы в Киеве будут рядом стоять мраморные гробницы святой Ольги, святого Владимира и блаженной “царицы Анны”.

Во время одного из приемов, рассказывает Константин Багрянородный, русской княгине было поднесено золотое, украшенное камнями блюдо. Святая Ольга пожертвовала его в ризницу Софийского собора, где его видел и описал в начале XIII века русский дипломат Добрыня Ядрейкович, впоследствии архиепископ Новгородский Антоний: “Блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши в Царьград; во блюде же Ольжине камень драгий, на том же камени написан Христос”.

Впрочем, лукавый император, сообщив столько подробностей, как бы в отместку за то, что “переключала его Ольга”, задал нелегкую загадку историкам Русской Церкви. Дело в том, что преподобный Нестор Летописец рассказывает в “Повести временных лет” о Крещении Ольги под 6463 (955 или 954) годом, и это соответствует свидетельству византийской хроники Кедрина. Другой русский церковный писатель XI века, Иаков Мних, в слове “Память и похвала Владимиру... и как крестилась бабка Владимира Ольга”, говоря о кончине святой княгини († 969), отмечает, что она прожила христианкой пятнадцать лет, и относит тем самым время Крещения к 954 году, что тоже совпадает с точностью до несколько месяцев с указанием Нестора. Между тем Константин Багрянородный, описывая пребывание Ольги в Константинополе и называя точные даты устроенных им в ее честь приемов, с несомненностью дает понять, что все это происходило в 957 году. Для примирения данных летописи, с одной стороны, и показаний Константина, с другой, русским церковным историкам пришлось предполагать одно из двух: либо святая Ольга для продолжения переговоров с императором в 957 году приехала в Константинополь уже во второй раз, либо она крестилась вообще не в Царьграде, а в Киеве в 954 году и единственное свое паломничество в Византию совершила, уже будучи христианкой. Первое предположение более вероятно.

Что касается непосредственно дипломатического исхода переговоров, у святой Ольги были основания остаться

недовольной ими. Добившись успеха в вопросах о русской торговле в пределах империи и подтверждении мирного договора с Византией, заключенного Игорем в 944 году, она не смогла, однако, склонить императора к двум важным для Руси соглашениям: о династическом браке Святослава с византийской царевной и об условиях восстановления существовавшей при Аскольде православной митрополии в Киеве. Ее недовольство исходом миссии явственно звучит в ответе, который она дала, уже по возвращении на родину, присланным от императора послам. На запрос императора относительно обещанной военной помощи святая Ольга через послов резко ответила: “Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе воев в помощь”.

Вместе с тем, несмотря на неудачу стараний об учреждении на Руси церковной иерархии, святая Ольга, став христианкой, ревностно предавалась подвигам христианского благовестия среди язычников и церковного строительства: “требища бесовская сокруши и нача жити о Христе Иисусе”. Она воздвигает храмы: Святителя Николая и Святой Софии в Киеве, Благовещения Пресвятой Богородицы – в Витебске, Святой Живоначальной Троицы – во Пскове. Псков с того времени называется в летописях Домом Святой Троицы. Храм, построенный Ольгой над рекой Великой, на месте, указанном ей, по свидетельству летописца, свыше “Лучом Трисятельного Божества”, простоял более полутора веков. В 1137 году святой князь Всеволод-Гавриил († 1138, память 11 февраля) заменил деревянный храм каменным, который был перестроен в свою очередь в 1363 году и сменен наконец доньше существующим Троицким собором.

И другой важнейший памятник русского “монументального Богословия”, как называют нередко церковное зодчество, связан с именем святой равноапостольной Ольги – храм Софии Премудрости Божией в Киеве, заложенный вскоре по возвращении ее из Царьграда и освященный 11 мая 960 года. Этот день отмечался впоследствии в Русской Церкви как особый церковный праздник.

В месяцеслове пергаменного Апостола 1307 года под 11 мая записано: “В тот же день освящение Святой Софии в Киеве в лето 6460”. Дата памяти, по мнению церковных историков, указана по так называемому “антиохийскому”, а не по общепринятому константинопольскому летоисчислению и соответствует 960 году от Рождества Христова.

Святая Ольга недаром получила в Крещении имя святой равноапостольной Елены, обретшей Честное Древо Креста Христова в Иерусалиме. Главной святыней новосозданного Софийского храма стал Святой Крест, принесенный новой Еленой из Царьграда, и полученный ею в благословение от Константинопольского Патриарха. Крест, по преданию, был вырезан из цельного куска Животворящего Древа Господня. На кресте была надпись: “Обновися Русская земля Святым Крестом, его же прияла Ольга, благоверная княгиня”.

Святая Ольга много сделала для увековечения памяти первых русских исповедников имени Христова: над могилой Аскольда воздвигла Никольский храм, где, по некоторым сведениям, сама была впоследствии похоронена, над могилой Дира – вышеназванный Софийский собор, который, простояв полвека, сгорел в 1017 году. Ярослав Мудрый на этом месте построил позже, в 1050 году, церковь святой Ирины, а святыни Софийского Ольгина храма перенес в каменный храм того же имени – донныне стоящую Софию Киевскую, заложенную в 1017 году и освященную около 1030 года. В Прологе XIII века об Ольгином кресте сказано: “иже ныне стоит в Киеве во Святой Софии в алтаре на правой стороне”. Разграбление киевских святынь, продолженное после монголов литовцами, которым город достался в 1341 году, не пощадило и его. При Ягайле в период Люблинской унии, объединившей в 1384 году Польшу и Литву в одно государство, Ольгин крест был похищен из Софийского собора и вывезен католиками в Люблин. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Но среди бояр и дружинников в Киеве нашлось немало людей, которые, по слову Соломона, “возненавидели Премудрость”, как и святую княгиню Ольгу, строившую ей храмы. Ревнителю языческой старины все смелее поднимали голову, с надеждой взирая на подраставшего Святослава, решительно отклонившего уговоры матери принять христианство и даже гневавшегося на нее за это. Нужно было спешить с задуманным делом Крещения Руси. Коварство Византии, не пожелавшей дать Руси христианство, было на руку язычникам. В поисках решения святая Ольга обращает взоры на запад. Никакого противоречия здесь нет. Святая Ольга († 969) принадлежала еще к неразделенной Церкви и вряд ли имела возможность вникать в богословские тонкости греческого и латинского вероучения. Противостояние Запада и Востока представлялось ей прежде всего политическим соперничеством, второстепенным по сравнению с насущной задачей – созданием

Русской Церкви, христианским просвещением Руси.

Под 959 годом немецкий хронист, именуемый “продолжатель Регинона”, записывает: “пришли к королю послы Елены, королевы руссов, которая крещена в Константинополе, и просили посвятить для сего народа епископа и священников”. Король Оттон, будущий основатель Германской империи, охотно откликнулся на просьбу Ольги, но повел дело не спеша, с чисто немецкой основательностью. Лишь на Рождество следующего, 960 года, епископом Русским был поставлен Либуций, из братии монастыря святого Альбана в Майнце. Но он вскоре умер (15 марта 961 года). На его место был посвящен Адальберт Трирский, которого Оттон, “щедро снабдив всем нужным”, отправил, наконец, в Россию. Трудно сказать, что случилось бы, не промедли король так долго, но когда в 962 году Адальберт появился в Киеве, он “не успел ни в чем том, за чем был послан, и видел свои старания напрасными”. Хуже того, на обратном пути “некоторые из его спутников были убиты, и сам епископ не избежал смертной опасности”.

Оказалось, что за прошедшие два года, как и предвидела Ольга, в Киеве совершился окончательный переворот в пользу сторонников язычества и, не став ни православной, ни католической, Русь вообще раздумала принимать христианство. Языческая реакция проявилась настолько сильно, что пострадали не только немецкие миссионеры, но и некоторые из киевских христиан, крестившихся с Ольгой в Царьграде. По приказу Святослава, был убит племянник святой Ольги Глеб и разрушены некоторые построенные ею храмы. Разумеется, здесь не обошлось без византийской тайной дипломатии: настроенные против Ольги и встревоженные возможностью усиления Руси за счет союза с Оттоном, греки предпочли поддержать язычников.

Провал миссии Адальберта имел промыслительное значение для будущего Русской Православной Церкви, избежавшей папского пленения. Святой Ольге оставалось смириться с происшедшим и полностью уйти в дела личного благочестия, предоставив бразды правления язычнику Святославу. С ней по-прежнему считались, к ее государственной мудрости неизменно обращались во всех трудных случаях. Когда Святослав отлучался из Киева, а он большую часть времени проводил в походах и войнах, управление государством вновь вручалось княгине-матери. Но вопрос о Крещении Руси был временно снят с повестки дня, и это, конечно, огорчало святую Ольгу, считавшую Христово благовестие

главным делом своей жизни.

Она кротко переносила скорби и огорчения, старалась помогать сыну в государственных и военных заботах, руководить им в героических замыслах. Победы русского войска были для нее утешением, особенно разгром давнего врага Русского государства – Хазарского каганата. Дважды, в 965 и в 969 году, прошли войска Святослава по землям “неразумных хазаров”, навсегда сокрушив могущество иудейских властителей Приазовья и Нижнего Поволжья. Следующий мощный удар был нанесен по мусульманской Волжской Болгарии, потом пришла очередь Болгарии Дунайской. Восемьдесят городов по Дунаю было взято киевскими дружинами. Одно беспокоило Ольгу: как бы, увлекшись войной на Балканах, Святослав не забыл о Киеве.

Весной 969 года Киев осадили печенеги: “и нельзя было вывести коня напоить, стояли печенеги на Лыбеди”. Русское войско было далеко, на Дунае. Послав к сыну гонцов, святая Ольга сама возглавила оборону столицы. Святослав, получив известие, вскоре прискакал в Киев, “приветствовал мать свою и детей и сокрушался, что случилось с ними от печенегов”. Но, разгромив кочевников, воинствующий князь вновь стал говорить матери: “Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей”. Святослав мечтал о создании огромной русской державы от Дуная до Волги, которая объединила бы Русь, Болгарию, Сербию, Причерноморье и Приазовье и простерла свои пределы до самого Царьграда. Мудрая Ольга понимала, что при всем мужестве и отваге русских дружин им не справиться с древней империей ромеев, Святослава ждала неудача. Но сын не слушал предостережений матери. Тогда святая Ольга сказала: “Видишь, я больна. Куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь меня, отправляйся куда захочешь”.

Дни ее были сочтены, труды и скорби подорвали ее силы. 11 июля 969 года святая Ольга скончалась, “и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки, и все люди”. Последние годы, среди торжества язычества, ей, когда-то гордой владычице, крестившейся от Патриарха в столице Православия, приходилось тайно держать при себе священника, чтобы не вызвать новой вспышки антихристианского фанатизма. Но перед смертью, вновь обретая прежнюю твердость и решимость, она запретила совершать над ней языческие тризны и завещала открыто похоронить ее по православному обряду. Пресвитер Григорий, который был с нею в 957 году в Константинополе, в точности выполнил ее завещание.

Святая Ольга жила, умерла и погребена была как христианка. “И тако поживши и добре славящи Бога в Троице, Отца и Сына и Святого Духа, почи в блазии вере, сконча житие свое с миром о Христе Иисусе, Господе нашем”. Как свой пророческий завет последующим поколениям, она с глубоким христианским смирением исповедала свою веру о своем народе: “Воля Божия да будет! Аще восхощет Бог помиловати роду моего Земли Руския, да возложит на сердце им обратитися к Богу, якоже и мене Бог сие дарова”. Бог прославил святую труженицу Православия, “начальницу веры” в Русской земле чудесами и нетлением мощей. Иаков Мних († 1072) через сто лет после ее смерти писал в своей “Памяти и похвале Владимиру”: “Бог прослави тело рабы Своей Олены, и есть в гробе тело ее честное, и неразрушимое пребывает и до сих дней.

Блаженная княгиня Ольга прославила Бога всеми делами своими добрыми, и Бог прославил ее”. При святом князе Владимире, по некоторым данным в 1007 году, мощи святой Ольги были перенесены в Десятинный храм Успения Пресвятой Богородицы и положены в специальном саркофаге, в каких принято было класть мощи святых на православном Востоке. “И ино чудо слышите о ней: гроб камен мал в церкви Святыя Богородицы, ту церковь создал блаженный князь Владимир, и есть гроб блаженныя Ольги. И на верху гроба оконце сотворено – да видети тело блаженныя Ольги лежаще цело”. Но не всем было явлено чудо нетления мощей равноапостольной княгини: “Иже с верою придет, отворится оконце, и видит честное тело лежаще цело и дивится чуду таковому – толико лет в гробе лежаще телу неразрушившемуся. Достойно похвалы всякой тело то честное: в гробе цело, яко спя, почивает. А другим, иже не с верою приходят, не отворится оконце гробное, и не видит тела того честного, но только гроб”.

Так и по кончине святая Ольга проповедовала вечную жизнь и воскресение, наполняя радостью верующих и вразумляя неверующих. Была она, по словам преподобного Нестора Летописца, “предтекущая христианской земли, аки денница пред солнцем и аки заря пред светом”.

Святой равноапостольный великий князь Владимир, вознося свое благодарение Богу в день Крещения Руси, свидетельствовал от лица своих современников о святой равноапостольной Ольге знаменательными словами: “Благословити тя хотят сынове рустии, и в последний род внук твоих”.

По материалам сайта РПЦ